

УДК 94 (571.513)+391\395

АМАНАТСТВО КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ПРИСОЕДИНЕНИЯ И ПОКОРЕНИЯ НОВЫХ ТЕРРИТОРИЙ К РОССИЙСКОМУ ГОСУДАРСТВУ В XVII–XIX ВЕКАХ (НА ПРИМЕРЕ ХАКАССКО-МИНУСИНСКОГО КРАЯ)*

Е. В. Самрина

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

В статье на основе архивных материалов и опубликованных источников, исследовательских работ рассматривается аманатство как социально-политический институт присоединения Южной Сибири (на примере Хакасско-Минусинского края) к Российскому государству. В условиях сибирских реалий институт аманатства становится действенным механизмом сбора ясака с коренного населения, внеэкономического принуждения к труду, политической лояльности. Но в последующие периоды трансформационный тренд культуры жизнеобеспечения коренного населения сопровождается общим упадком и длительной регрессией.

The article, on the basis of archival materials and published sources, research works, considers amanats as sociopolitical institute of inclusion of Hakass-Minusinsk region into the Russian state. In conditions of the Siberian realities the institute of amanats becomes an effective mechanism of collecting yasak from native people, noneconomic compulsion to work, political loyalty. But in the subsequent period ethnic culture of the natives is characterised by the general decline and long regression.

Ключевые слова: аманат; ясак; пушнина; политическая лояльность; коренное население; война; князь Иренак; Хакасско-Минусинский край.

Keywords: amanat; yasak; furs; political loyalty; native people; war; prinse Erenak; Khakass-Minusinsk region.

Аманатство стало неотъемлемым социально-политическим институтом присоединения новых территорий к Русскому государству в XVI–XIX вв. Система заложничества активно использовалась как одно из сильнейших средств присоединения Сибири в XVI–XVIII вв. Аманаты были обыденной повседневностью и в период покорения Северного Кавказа в XIX в. Генерал А.П. Ермолов для умирения горских народов использовал не только военную мощь русской армии, но и систему заложничества. Формы и методы института аманатства различались на Кавказе и Сибири. Причины присоединения Сибири крылись в ее пушных богатствах, а Кавказ был интересен как объект геополитического пространства России. Поэтому на Кавказе в отличие от Сибири наряду с обычной формой заложничества практиковалось «почетное заложничество». Такая форма аманатства не предполагала ареста и унижения. Многие «почетные» пленники учились в российских военных училищах, и домой они возвращались совершенно другими людьми. Такой путь усвоения господствующей культуры через социально значимых людей покоренных народов считался достаточно эффективным для последующего вхождения новых территорий в состав государства.

Формирующейся Российской империей Сибирь рассматривалась с точки зрения экономической выгоды, прежде всего как пушная фактория. Пушнина была одной из немногих собственных экспортных товаров России в Европе, и метрополия была заинтересована в ее добыче сибирскими аборигенами. Аманаты служили гарантией своевременной выплаты ясака и политической лояльности населения. В условиях сибирских реалий (удаленности от центра, вседозволенности воевод и т.д.) аманатство приобретает черты ясыра (пленения), холопства. Так называемых «закладчиков» могли крестить и продать. Кроме того, этот институт стал механизмом внеэкономического принуждения к труду.

Слово «аманат» имеет арабское происхождение и означает «заложник». Изначально социально-политический институт аманатства, в его классическом

* Современная территория Республики Хакасия и южные районы Красноярского края.

понимании, служил для обеспечения мирных отношений между враждующими племенами или народами, потенциально враждебными друг к другу. Аманатами становились близкие родственники (сыновья, братья, племянники) социально значимых людей. Для них создавались определенные условия, при которых они могли достойно существовать и даже получать какую-то плату в денежном эквиваленте, поскольку аманатство могло длиться несколько лет. Смерть аманата или пренебрежительное отношение к нему могло быть поводом к военным действиям со стороны родственников аманата.

Существовало две формы аманатства: взаимное и одностороннее. При взаимной форме аманатства стороны признавали друг друга равными и при заключении мира выдавали аманатов с примерно равным социальным статусом, которые содержались в большом почете. Второй тип, который был характерен для Сибири, предполагал политическое или военное доминирование одной из сторон, и аманаты выдавались лишь слабой стороной. В данном случае аманаты оказывались в качестве заложников в полном смысле этого слова, и их положение было, как правило, намного хуже, чем при взаимной форме аманатства.

Ханы Золотой Орды широко использовали этот институт для поддержания политической и экономической лояльности русских князей. Ряд элементов социокультурных ордынских традиций (ясыр, шерть, ясак, аманатство и др.) был успешно заимствован Русским государством при присоединении новых территорий [см.: 1, 2]. По мнению С.В. Бахрушина, институт аманатства достаточно активно применялся в Сибири русскими служилыми людьми, прежде всего в тех районах, где коренное население ранее не было знакомо с какой-либо зависимостью и достаточно активно сопротивлялось попыткам отрядов казаков обложить его ясаком. Особенно эффективным захват аманатов показал себя при объясачивании тунгусов, племена которых проживали практически по всей территории Восточной Сибири [1, 3].

Исторические документы свидетельствуют о широком использовании аманатства на начальных этапах присоединения Сибири (XVI–XVII вв.) и о поддержке данной практики государственной властью. Но и в XVIII в. заложничество широко применяется для бесперебойного сбора ясака. В указе сибирского губернатора от 13 февраля 1713 г. предписывалось ради государственной прибыли «призывать в подданство инородцев, объясачивать их и брать аманатов, а которые не пойдут в подданство и не дадут аманатов, с теми поступать военным поведением» [4]. Аналогичным образом Сенат 18 января 1727 г. в «Доношении» императрице Екатерине I рекомендовал: «...Которые народы вновь сысканы и прилегли к сибирской стороне, а не под чьею властью, тех под российское владение покорять и в ясашный платеж приводить и для содержания от них по прежнему обыкновению аманатов и сбору ясака остроги прежние. И вновь откуда за дальностью аманатов в другие остроги привозить немочно, построить где пристойно надлежит...» [5, с. 136]. Таким образом, строительство острогов в определенной мере предопределялось потребностью не только сбора ясака, но и содержанием заложников-аманатов.

В Сибири тесная связь заложничества с выплатой ясака превращала аманатство в своеобразный метод эксплуатации. Аманаты служили гарантией не только политической лояльности коренного населения, но и обеспечивали бездоимочное поступление ясака в казну. Ясак являлся личным доходом царя и просуществовал в чистом виде до введения «Устава об управлении инородцами» в 1822 г. В 1827 г. он был заменен податями и повинностями для оседлой части инородцев. А для кочевых и так называемых бродячих народов действовал способ обложения, введенный в 1763 г. Согласно ему административная единица (род, улус) выплачивала ясак определенным зверем или ее денежным эквивалентом.

С начала XVII в. Русское государство начинает активно претендовать на княжества енисейских кыргызов* [см.: 6, 7, 8]. Не имея аманатов, воеводы были

* Древний тюркский народ, проживавший в районе Саяно-Алтая; предки современных хакасов. Они около 100 лет сдерживали продвижение русских в Южную Сибирь, однако в основной массе были вынуждены в 1703 г. покинуть свою родину. Во времена своего великодержавия (IX–X вв.) кыргызы владели огромными территориями Центральной Азии и Сибири, создав государство, не уступавшее другим империям Великой Степи. В начале XVII

лишены реальной возможности воздействовать на воинственных кыргызов, тубинцев. Тем более что в первой четверти XVII в. воеводы Томского острога требовали ясак в огромных размерах – по 10 соболей с человека и в качестве гарантов брали в заклад детей «лучших людей». Воеводы предпочитали брать в заложники детей, так как это обеспечивало максимальную лояльность со стороны их родителей. Как правило, кыргызы в ответ на требование выдать очередных аманатов просили, чтобы они «старых их закладчиков ис Томского города отпустили, а не отпустят томские воеводы старых их закладчиков к ним и они придут под Томской город войною» [9, с. 40]. Аманаты часто становились одним из главных поводов для военных действий. Кыргызы и тубинцы неоднократно нападали на остроги, на казаков для освобождения своих родственников или отмщения за смерть аманата. А подобное заключение часто приводило к смерти или убийству заложника. В частности, так произошло с аманатами Красноярского острога. В 1629 г. устроили побег сын тубинского князя Каяна и люди алтын-хана, но были преданы качинцами и аринцами. Заложников казнили. В свою очередь в 1629 г. кыргызы и тубинцы устроили карательный поход против качинцев и аринцев. Князь Каян в 1630 г. убил несколько казаков в отместку за смерть сына [10].

В силу военного доминирования русские в Сибири прибегали исключительно к одностороннему аманатству. Они были вооружены гораздо более эффективным огнестрельным оружием. К тому же в начале XVII в. была сложная политическая ситуация в регионе, в Хакасско-Минусинском крае столкнулись интересы трех государств, претендовавших на определенную гегемонию в регионе. Кыргызам приходилось как проявлять гибкость в дипломатии, лавируя между интересами государства Алтын-ханов, Джунгарским ханством и Россией, так и умело вести боевые действия [см.: 7, 11].

Первые упоминания в исторических источниках об аманатах в Хакасско-Минусинском крае появляются в начале XVII в., когда Русское государство начинает активно облагать ясаком коренное население. Характер, метод обложения ясаком и его размер в каждом отдельном районе на обширной территории Сибири зависели от многих факторов, в том числе от потестарно-политической ситуации. Кыргызы вели активные военные действия против обьясачивания и оказывали серьезное сопротивление ясачным сборщикам на протяжении всего XVII в. При этом в государевых грамотах указываются способы, которыми должны были руководствоваться воеводы. Например, в одной из грамот рекомендуется «киргизским людям говорити ласкою, чтоб они дали в Томский город закладчиков», ежегодный ясак. А если они не дадут аманатов и ясак, то применять по отношению к ним военную силу [12]. Например, в 1623 г. воеводы Томского острога Иван Шеховской и Максим Радилов требуют от кыргызов выплатить ясак и дать аманатов. Военные отряды казаков, снаряженные этими воеводами, отправились к кыргызам требовать от братьев князя Кары, чтоб они «прислали в Томской город заклады детей своих и братья им закладчиков на перемену» [9, с. 39]. Невыдача аманатов не раз становилась поводом к военным действиям, иногда весьма масштабным. Если аманатов не поставляли сами кыргызы, то их добывали военным путем. В 1642 г. кыргызы потерпели поражение от отряда под руководством томского воеводы И. Кобыльского и красноярских М. Кольцова и С. Коловского близ излучины Чулыма, за рекой Белый Июс. После этого поражения кыргызы дали «шерть», присягу верности русскому царю и выдали аманатов [11, с. 90].

Как правило, аманатами становились дети элитарной части населения. В 1665 г. красноярский воевода «А.И. Сумароков не принял тубинского аманата из-за того, «что он худого рода». Чтобы «заклад» имел действительную силу, необходимо было, чтобы аманат принадлежал к знатной, уважаемой семье и имел родичей, влиятельных в его племени» [1, с. 47]. Частыми аманатами были родственники

в. имели конфедерацию четырех княжеств – улусов, получившую в русских источниках название Киргизская земля.

князя Иренака Ишеева*. В Томском остроге сидел его сын Чагун, и на его замену князь А. Кольцов-Мосальский просил равного ему по социальному статусу, например, родных братьев Иренака Ейзан Ишеева, Айкан Ерушку Ишеева, двоюродного Мунза Келчикенева, зятя Алтын Кашку.

В Сибири часто за заложников-аманатов требовали огромный выкуп в виде пушнины, соболиных шуб. В случае недостаточного выкупа аманаты оставались в остроге на долгие годы и часто умирали из-за плохих условий содержания. Заложники содержались в простой избе на «аманатском дворе», расположенной за караулом. Им полагалось казенное содержание, но выделяемые средства или не доходили до адресатов, или оказывались недостаточными даже для минимального уровня удовлетворения потребностей. Твердой фиксированной суммы денег на содержание аманатов не было. Например, при воеводе «Петре Протасьеве аманатам выдавалось лишь по одной осьминке хлеба на месяц». Немного улучшились дела при

М.Ф. Дурново, который распорядился выдавать мясо, рыбу, муку, хлеба и по ковшу вина на день и по ведру браги. Но когда заканчивались деньги в кассе, опять приходили голод и нужда [1, с. 48]. Согласно показаниям красноярских казаков в Сибирском приказе за 1635 г. указывается, что аманаты даже ходили по острогу и собирали милостыню у служилых людей. В 1686/87 г. на содержание семи аманатов (качинских, аринских, канских, тубинских и байкотовских) было отпущено 17 руб. 88 коп., т.е. по 1.5 руб. на человека в год. В 1692/93 г. на их содержание было отпущено по 1.5 руб. на каждого в месяц. В свою очередь удинские аманаты получили намного меньше, по 1 коп. в день. Хотя в рационе присутствуют некоторые элементы из традиционного питания аманатов, такие как мясо и рыба, но чаще это были продукты, которые приобретались по низкой цене и соответственно плохого качества (падаль). Часто недоедание, голод являлись причиной цинги. Поэтому аманатов выпускали кормиться за пределы острога. Например, по указу воеводы Федора Мякина аринские аманаты Ойданка Татушев и Омочая с женами отправились кормиться к подгородным качинцам [1, с. 49].

В одном из документов к государю обращаются аманаты Красноярского острога аринские князя Татушко, Абылтайко и князец одного из качинских улусов. В нем они просят его, чтобы он указал размер содержания аманатов в денежном и хлебном эквиваленте, как в других сибирских городах. При этом они жалуются на то, что несут государеву службу в полном объеме, «даем и в подводах государь мы сироты твои для твоих государевых всяких разных посылок ходим и в иные земли мы сироты служивыми людьми для твоего государева ясачного збору ходим и всякую твою государеву службу служим с красноярскими служивыми людьми вместе», но, тем не менее, в аманатах сидят их дети и они сами [13].

Аманаты становились темой обсуждения во время официальных переговоров между Русским государством и кыргызскими князьями. Например, во время визита Петра Саванского в 1625 г. в урочище р. Упсы (Тубы) поднимался вопрос о кыргызском князе Каре и его брате Сенже. Последний прибыл в качестве челобитчика в Томск, был ограблен и посажен в тюрьму. Также была высказана претензия о том, что вооруженный отряд казаков напал на улус «погромили: жон их и детей в полон лутчево их киргизского князца, о ком у них Кыргызская земля стояла, Кару с женою да дву детей поймали». Князь Кара попал в плен со всей своей семьей. По дороге в Томск Молчан Лавров и Осип Кокорев отпустили его жену с одним из сыновей, а второго сына Бахтыра с отцом увезли в острог. За их освобождение потребовали немалый выкуп. Князя собрали сорок бобров, семьдесят соболей, шубу соболью, две рыси, две шубы волчьи и отправили жену Кары с откупом в Томск. Воеводы Иван Шеховской и Максим Радилов взяли откуп, но князя с сыном не отпустили. Отпущенный князь Сенже также ездил с выкупом в острог несколько раз, но все безуспешно. Со временем цена выкупа становится все больше и больше, например, требуются соболиные шкурки в количестве двухсот штук, в другой раз сорок соболей и двадцать бобров и т.д. Выкупы давались не только воеводам, но и казакам, толмачам и т.д. В итоге князь Кара умер в остроге. А

* Князь (бек) Алтысарского улуса енисейских кыргызов. Он сумел объединить под своей властью все кыргызские княжества и надолго приостановить продвижение русских в Южную Сибирь.

сын его Бахтыр вместе с другими сыновьями и племянниками кыргызских князей так и остался в остроге. Князь Кочербай за сына, который находился лично у воеводы Шеховского, привез из Китая «камку желтую на золоте, да барса..., да наручни, да ясыря послал, таковах как сын ево..., а сына ево не выдал» [9, с. 55–56].

Вопрос об аманатах снова поднимается в 1627 г. во время визита посольства Д. Черкасова. В июне месяце в урочище Белого Юса был собран съезд. Черкасов вновь потребовал от кыргызов аманатов и пообещал от имени государя, что им будет выплачиваться «государево жалованье платя и сукна и корм и питье давать довольно». На что князь Ишей (отец князя Иренака) сказал, что он верит сказанным словам от имени государя, но воеводы всегда поступают по-своему. Они закладчиков давать не будут, потому что воеводы в своих корыстных целях аманатов морят голодом [9, с. 76].

По словам Д. Черкасова, царь Михаил Федорович разрешил вернуться домой некрещеным. Они якобы были собраны из разных сибирских городов в Томске, поэтому кыргызы должны приехать и забрать их домой, но только в обмен на новых аманатов. Князя не поверили ему и ответили, что во избежание очередного пленения в Томск они сами не поедут.

Князь Ишей понимая, что крещеных детей уже не отпустят обратно домой, ходатайствует перед Д. Черкасовым о том, чтобы последних взяли на царскую службу в остроге. Главная его забота – избавить их от холопства. Также он просит разрешения видаться с ними. А жен бы вместо участи наложниц и рабынь выдать замуж за иноземцев, за служивых, за крещеных. Из документа видно, сколь болезненным для кыргызов являлось пленение и превращение именитых родственников в простых холопов [9, с. 79].

Но, несмотря на неоднократные попытки уладить вопрос с аманатами, на протяжении всего XVII в. одним из главных требований Русского государства наряду с выплатой ясака и ненападения на остроги являлась выдача аманатов. Официальные документы этого времени, касающиеся территории Кыргызских княжеств, ориентируют местную администрацию на продолжение реализации института аманатства как наиболее действенного метода увеличения поступления в казну пушнины и политической лояльности местного населения. «...Аманатов в Томской и в Красноярской добрых и лутчих людей давали попрежнему и буде они учинятца под нашею государевою высокою самодержавною рукою и аманатов дадут добрых кому мочно верить» [14].

Часто в плен попадали женщины высокого социального статуса. Как правило, женщины-аманатки нередко становились наложницами русских воевод, казаков. Их продавали в рабство, увозили в Москву и сибирские города. Во время военного похода в 1624 г. кроме мужчин были взяты в плен жены, дочери кыргызов. Например, «Ишеева улуса взята девка Муголак, да сестра ее Тесеня, ...да жонка Нагай, да девка Сансы, да девка Сунтей, да жонка Юрукей» [9, с. 56].

В этом плане показательна судьба семьи кыргыза Чонбаева. Максим Радилов увез его сыновей в Москву, а дочь его Куску Молчан Лавров продал тоже в Москве, другую дочь – Норыкею Ишим Досмаматов увез в Тобольск. Жена его Ангалана оказалась в качестве наложницы или рабыни у чаткого татарина Борыхая. Чонбаев потратил все свое состояние на выкуп своих родных, но все было безуспешно. Воеводы принимали непосредственное участие в продаже пленных и наживались на выкупе заложников. Князь Иван Шеховской и Максим Радилов лично отвозили детей в Москву для дальнейшей их перепродажи [9, с. 55–57].

В источниках упоминаются факты расправы с аманатами в случае враждебных действий со стороны их сородичей. После осады Красноярска князем Иренаком в 1679 г., в котором приняли участие качинцы, ястынцы и бохтинцы, в отместку красноярские воеводы расстреляли тубинских князей, заложников. «Это были «лутчие князцы, которые владели всею Тубинскою землею. Правительство Московское протестовало против этого, и от государя был объявлено как условие помилования требование добыть новых аманатов и – «самых лутчих» [11, с. 96]. Казаки мотивировали свою жестокость тем, что кыргызы хотели захватить пленников из числа казаков и обменять их на своих аманатов [1, с. 49].

Аманаты от одних и тех же этнических групп могли одновременно удерживаться в разных острогах. Это связано с тем, что сбор ясака был достаточно

прибыльным делом. Между Томским и Красноярским острогами возникали серьезные противоречия за право контролировать потоки ясака и самостоятельно собирать дань. С 1629 г. Томск стал областным городом, а Красноярск формально подчинялся ему. Долгое время томские воеводы претендовали на сбор ясака с населения, подконтрольного Красноярску. Подобные же споры возникали между воеводами Красноярского и Енисейского острогов. Например, в Красноярске уже находились сын и племянник князя Тымака, который кочевал близ Канского острога по реке Кан. А в 1630 г. у них собрали ясак казаки Енисейского острога, требовали выдать аманатов. Как правило, в случаях отказа рейды казаков заканчивались погромами, убийствами, пленением, полным разорением хозяйства [10, с. 440].

Центральные власти проводили двойственную политику в отношении сибирских аманатов. С одной стороны, отсутствовало определение официального статуса аманата и его официального признания, с другой – формально этот институт поощрялся и поддерживался. По мнению Н.Н. Козьмина, «высшие чины были заинтересованы в войне, ибо она давала большие доходы, в виде денег, добычи «ясыря», т.е. рабов, в которых обращались пленники. И московское правительство постоянно вынуждено было считаться с невыполнением его распоряжений о возвращении пленных, которые оказывались вывезенными уже в Россию» [11, с. 88].

Пожалуй, самыми известными и именитыми аманатами были родственники князя Иренака Ишеева. Он правил Алтысарским улусом в 1660–1687 гг. и вошел в историю как талантливый полководец, дипломат. Его старший брат Айкан попал в аманаты еще ребенком, служил в Москве на дворе у бывшего красноярского воеводы Архипа Акинфиева (Акинфов). Он, вероятно, и был крещен этим воеводой, поскольку в официальных документах упоминается как Айкан Иван Архипов. Позже Айкан вернулся в Сибирь и состоял на службе в Красноярском остроге в качестве толмача. Это был грамотный чиновник, со знанием нескольких языков, юриспруденции. Впоследствии одаренный и способный Айкан «за службу и за крещение» стал сыном боярским.

В силу своего происхождения и службы в остроге Айкан оказался между непримиримыми противоборствующими сторонами – кыргызами и служилыми людьми. Одна сторона подозревала его в измене, а другая в предательстве. «В киргизах у него были «род и племя» – «дядья и братья и племянники», порвать с которыми он не мог». Против Айкана неоднократно выдвигались серьезные обвинения. Одно из крупных обвинений против него было выдвинуто после провала погони за его братом Иренаком в 1666 г. Айкана подозревали в бездействии и принятии неправильных решений, чтобы дать возможность войску Иренака оторваться от погони [1, с. 99].

Красноярский воевода Г.П. Никитин в 1666 г. дает ему отрицательную характеристику в Сибирский приказ, заподозрив его в очередной измене в связи с возможным нападением на Красноярский острог Алтын-хана Лубсана и князя Иренака. Еще до этих подозрений Айкан был послан к Лубсану в качестве толмача-переводчика государевой грамоты, но воевода обвинил его в превышении своих полномочий. И в нападении 13 мая 1667 г. джунгаров во главе с тайджи Сенге и кыргызов на Красноярский острог он видел также вину Айкана. Благодаря юридической грамотности Айкан смог правильно выстроить свою линию защиты. Обвинения в измене не подтвердились. В дальнейшем фамилия Айкана не раз упоминается в официальных документах Посольского приказа [15, с. 185]. Нужно отметить, что Иван-Айкан принимал неоднократное участие в походах против своего брата – князя Иренака. Во время одного из таких походов в плен попали несколько кыргызов, с одним из них он стал обниматься и плакать. Очевидно, пленник был его родственником, и встреча в столь трагический момент принесла обоим глубокие страдания. С.В. Бахрушин отмечает, что «в нем причудливо сплетались старые природные черты туземца с вновь приобретенными в русской служилой обстановке новыми навыками». Айкан был довольно состоятельным человеком, активно занимался торговлей, водил деловые отношения с енисейскими торговыми людьми и мясниками. На основании трех купчих владел обширными участками земли вдоль Енисея до верхней Бузимской дороги. Кроме того, Айкан был

влиятельным и уважаемым человеком на царской службе. Он хорошо освоил внутренние механизмы функционирования государственного аппарата, имел незаурядные юридические способности. После обвинения в измене в 1666 г. Айкан сумел защититься и добиться возбуждения следствия против воеводы Герасима Никитина [1, с. 99].

От потомков Айкана ведут свою линию казаки Айкановы, проживавшие в ст. Соленоозерская в Хакасии [16, с. 90]. Вероятно, одними из его сыновей или внуков были упоминающиеся в официальных документах Сибирского приказа Айкановы: боярские дети новокрещенец Матвей Айканов, проживавший в дер. Шиверской в 1702 г., и Степан Айканов, обозначенный в качестве сборщика ясака в Камасинской земле [1, с. 52, 98].

Сложность и неоднозначность этой эпохи для коренного населения Хакасско-Минусинского края отражена в судьбе двух родных братьев Иренака и Айкана. Один остался в памяти народа как национальный герой, а другой оказался аманатом и заложником политической ситуации. Историческая память о князе Иренаке сохранилась в образе фольклорного героя Оджен-бега [16]. При Иренаке кыргызы смогли сохранить относительную самостоятельность. Только после смерти реального героя и мифологического Оджен-бега кыргызские княжества становятся частью Российской империи.

Аманатство в Сибири как социально-политический институт исчезает во второй половине XVIII в. В Хакасско-Минусинском крае оно теряет свою актуальность в связи с уходом кыргызов в Джунгарию и официальным присоединением территории к Российской империи. Инициаторами отмены института даннических отношений выступили как сами сибирские власти, так и представители центральных государственных ведомств. Начало положил именной указ Екатерины II от 6 февраля 1763 г. [17] и известная Инструкция секунд-майору Алексею Щербачеву от 4 июня 1763 г. [18], в которой были провозглашены основные принципы реформы, в результате которой был отменен атакизм даннических отношений – аманатство (заложничество). Капитан А.И. Чириков в своем рапорте Адмиралтейств-коллегии от 18 июня 1746 г. советовал распустить аманатов, взятых у старейшин ряда восточносибирских народов, уже известных своей лояльностью к русским. Чириков писал: «А которые из них есть добрые князцы и издавна в верности своей постоянны, а наипаче которые уже и приняли христианскую веру и право оную содержать, у тех, по размышлению тамошних воевод и главных управителей, аманатов не иметь и объявить им, чтоб за такую е.и.в. к ним милость они наилутче ясак платили» [5, с. 254].

Но заложники-аманаты не были какой-то особой экзотикой в российской колониальной практике и первой половины XIX в. Так, в период покорения Кавказа военные часто использовали детей горских князей и старейшин в качестве заложников. Знаменитый генерал А.П. Ермолов предложил Александру I отказаться от прежней тактики нерегулярных карательных походов в горные районы и убедил его в необходимости планомерного завоевания Кавказа. Генерал, стремясь «замирить» непокорных горцев, ввел в практику детское аманатство [19].

Жизнь в городах вдали от родных, в отрыве от традиционной среды приводили к постепенной аккультурации детей-аманатов как на Кавказе, так и в Сибири. Сын князя Кары Бахтыр так и остался в Томске и «и свою веру и обычай позабыл, а в православной крестьянской вере живучи навек и чтоб ты, государ, ево пожаловал, веле ево крестить в православную крестьянскую веру» [9, с. 71]. Аманатство приводило не только к изменению образа жизни, вероисповедания, языка, но и к отчуждению от этнической культуры детей высокого социального статуса. Отчуждение в конечном итоге приводило к неучастию элитарной части населения в физическом воспроизводстве и трансляции этнической культуры. Трагедия эпохи заключалась в том, что несколько поколений нервно-надломленных людей понесли значительные потери как в прямых военных действиях, так и в демографических потерях в лице потенциальных носителей этнической культуры. В последующие периоды трансформационный тренд культуры жизнеобеспечения коренного населения сопровождается общим упадком и длительной регрессией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. IV. С. 5-192.
2. Кульпин Э.С. Золотая Орда. М., 1988.
3. Бахрушин С.В. Ясак в Сибири в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. III, ч. 2. С. 49-85.
4. Сгибнев А.С. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. 1650-1742 г. // Морской сборник. 1869. № 4. С. 86.
5. Русская тихоокеанская эпопея: сб. док. / сост. В.А. Дивин. Хабаровск, 1979. 608 с.
6. Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М., 1979.
7. Чертыков В.К. Хакасия в XVII начале XVIII века и ее взаимоотношения с Россией и государствами Центральной Азии. Абакан, 2007.
8. Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII-XVIII вв. М.: Наука, 1978.
9. Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII вв. // сост. В.Я. Бутанаев, А. Абдыкалыков. Абакан, 1995.
10. Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М., 2002. Т. II. С. 436.
11. Козьмин Н.Н. Избранные труды: Хакасы. Туба. Князь Иренак. Д.А. Клеменц / сост. В.К. Чертыков, С.А. Угдыжеков. Абакан, 2010.
12. Российский государственный архив древних актов. Ф. 214. Стб. 160. Л. 1.
13. Там же. Стб. 40. Л. 78.
14. Государственный исторический музей. Ф. 443. Д. 14. Л. 48
15. Бахрушин С.В. Енисейские кыргызы в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 3, ч. 1. С. 176-297.
16. Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Хакасский исторический фольклор. Абакан, 2001. С. 90
17. Памятники Сибирской истории XVIII века. 1701-1713. СПб., 1882. Кн. I. № 11749.
18. Булычев И. Путешествие по Восточной Сибири. СПб., 1856. Ч. 1. С. 251-268.
19. Ермолов А.П. Записки. 1818-1825 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб., 2000. С. 16, 27, 54.

Поступила в редакцию 08.09.2011 г.
Принята к печати 26.06.2013 г.